J 90/304
1899

J 90/304

Ар 7555

Д. Н. Анучинъ.

О КУЛЬТУРѢ КОСТРОМСКИХЪ КУРГАНОВЪ

и особенно о находимыхъ въ нихъ

УКРАШЕНІЯХЪ И РЕЛИГІОЗНЫХЪ СИМВОЛАХЪ.

СЪ 6-ю ТАБЛИЦАМИ.

Изъ „Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній", издаваемыхъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, т. 3).

МОСКВА.
Типографія Н. Н. Шарапова (бывш. М. Г. Волчанинова), Кудринская улица, домъ Кирѣевой.
1899.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
307304-44

2007237463

У 90/304

О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ.

Въ 1895 г. Моск. Археолог. Общество воспользовалось предложеніемъ своего сочлена Ф. Д. Нефедова для произведенія раскопокъ кургановъ въ Костромской губ. Эти раскопки были продолжены Ф. Д. Нефедовымъ лѣтомъ 1896 г., отчасти на средства Общества, отчасти на свои собственныя, причемъ онъ принесъ въ даръ Обществу всѣ добытыя имъ изъ могилъ древности, а равно представилъ подробные журналы своихъ раскопокъ, напечатанные въ настоящемъ томѣ. Произведенныя раскопки однако настолько интересны, сопровождались находками столь многихъ любопытныхъ древностей, что невольно наводятъ на мысль обобщить полученные результаты и въ особенности остановиться на нѣкоторыхъ категоріяхъ найденныхъ предметовъ, обращающихъ на себя особое вниманіе въ смыслѣ характеристики культуры данной эпохи.

Труды Ф. Д. Нефедова выразились въ раскопкѣ 542 кургановъ,—число весьма достаточное для ознакомленія съ этимъ типомъ древнихъ погребеній въ одной губерніи. Правда, мы имѣемъ примѣры значительно болѣе интенсивнаго изслѣдованія курганныхъ группъ; гр. А. С. Уваровымъ съ помощниками было раскопано, напр., 7729 кургановъ, приписываемыхъ мерянамъ, во Владимірской и Ярославской губерніяхъ; Л. К. Ивановскимъ вскрыто до 5800 кургановъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Петербургской губерніи; но слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ раскопки производились въ теченіе десятка лѣтъ, стоили много большихъ средствъ и охватывали (особенно по отношенію къ мерянскимъ курганамъ) значительно большій районъ. Изслѣдованія же г. Нефедова продолжались только два года (они были, впрочемъ, нѣсколько пополнены лѣтомъ 1898 г.) и ограничивались только тремя юго-западными уѣздами губерніи, именно Костромскимъ, Нерехотскимъ и Кинешемскимъ, прилегающими къ Волгѣ и сосѣдними съ Ярославской и Владимірской губерніями (раскопки захватили немного еще Буйскій уѣздъ). Эти уѣзды составляютъ только одну четвертую часть губерніи (всѣхъ уѣздовъ въ ней, какъ извѣстно, 12), а по занимаемой ими площади даже одну восьмую. Для такой болѣе ограниченной территоріи—542 кургана представляютъ, относительно, крупную цифру.

Но мнѣ удалось еще пополнить данныя, собранныя Ф. Д. Нефедовымъ, результатами раскопокъ, произведенныхъ членами Костромской Ученой Архивной Коммиссіи. Благодаря любезному вниманію предсѣдателя Коммиссіи, статсъ-секретаря д. т. с.

Н. Н. Селифонтова и непремѣннаго члена Коммиссіи Н. М. Бекаревича, я могъ получить для просмотра не только печатные журналы засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ заключаются отчеты о раскопкахъ, но также рукописный отчетъ о раскопкахъ 1898 г., 15 таблицъ фотографій съ найденныхъ вещей и нѣкоторое число подлинныхъ, болѣе рѣдкихъ или оригинальныхъ предметовъ. Такъ какъ курганныя раскопки производились Коммиссіей тоже, по преимуществу, въ Костромскомъ уѣздѣ и отчасти еще въ Макарьевскомъ, то въ общемъ онѣ значительно дополняютъ результаты изслѣдованій г. Нефедова. Всего, съ 1894 г. по 1898 включительно, изслѣдовано Коммиссіей 109 курганныхъ группъ при 75 селеніяхъ, и въ нихъ вскрыто 1128 кургановъ. Присоединяя эту цифру къ числу изслѣдованныхъ г. Нефедовымъ, получаемъ всего 1670 кургановъ. Къ сожалѣнію, подробные журналы раскопокъ Коммиссіи опубликованы лишь для курганныхъ группъ, изслѣдованныхъ въ 1894 г., и мы можемъ пользоваться результатами изслѣдованій Коммиссіи, главнымъ образомъ, по отношенію къ общимъ признакамъ погребеній и (пользуясь фотографіями и отчасти подлинными вещами) къ варіаціямъ формъ болѣе характерныхъ категорій предметовъ.

Курганы въ данной мѣстности расположены группами по верхнимъ террасамъ (вторымъ берегамъ) Волги, ея притоковъ, а также и высохшихъ уже теперь овраговъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, поросшихъ часто кустарникомъ или лѣсомъ пустошахъ. Группы — обыкновенно не большія, отъ 2—30, иногда до 40—50, въ рѣдкихъ случаяхъ до 60—70 кургановъ Многіе курганы, впрочемъ, оказываются распаханными или испорченными кладоискателями. Малое число кургановъ въ группахъ вызвало у г. Бекаревича предположеніе, что курганы эти насыпались населеніемъ (мерею), вытѣсненнымъ сюда славянами изъ-подъ Суздаля, Владиміра, Ростова и т. д. и селившимися семьями, которыя впослѣдствіи вымирали или переходили на другія мѣста.

Курганы имѣютъ форму полушаровидную (сопка), болѣе или менѣе расплывчатую или усѣченно-конусообразную, высотою обыкновенно отъ 0,25 до 0,50 метра, рѣже до 2 или до 3 метр. Иногда кругомъ кургановъ замѣчаются слѣды вынутой земли, канава, но иногда ея не замѣтно. Смотря по грунту мѣстности, курганы ссыпаны изъ глины, суглинка, песка; многіе, кромѣ того, обложены при основаніи (или даже по окружности) камнями (крупными валунами).

Въ насыпяхъ часто встрѣчаются, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, угли, иногда съ примѣсью черепковъ. Не рѣдки бывали случаи, когда раскопка кургана не давала никакихъ вещей, иногда даже никакого слѣда погребенія, но большею частью и въ такихъ „пустыхъ“ курганахъ попадались слѣды истлѣвшихъ костей, угли или черепки. Впрочемъ, въ Буйскомъ уѣздѣ встрѣтилась одна группа, въ которой десятокъ и болѣе раскопанныхъ кургановъ не указалъ никакихъ слѣдовъ погребенія. Остатки углей въ насыпи встрѣтились, въ раскопкахъ Нефедова, почти въ трети всего числа кургановъ (въ иныхъ случаяхъ они могли, впрочемъ, и не обратить на себя вниманія). Это присутствіе углей вовсе не указываетъ на трупосожженіе, слѣды котораго однако также встрѣчаются, хотя и очень рѣдко. Изъ 413 кургановъ, давшихъ явственные слѣды погребеній, трупосожженіе могло бы быть обнаружено только въ 8-ми, слѣд. менѣе, чѣмъ въ $2^0/_0$. Въ раскопкахъ членовъ Архивной коммиссіи оно встрѣчено было,

повидимому, относительно еще рѣже. По словамъ Нефедова, въ такихъ курганахъ со слѣдами трупосожженія оказывается толстый слой угля и золы, съ остатками обгорѣлаго дерева, иногда также остатками жженыхъ костей и немногими, выказывающими слѣды огня вещами. Въ двухъ случаяхъ можно было констатировать, что умершій былъ сожженъ въ лодкѣ: именно въ одномъ случаѣ на материкѣ оказалась часть обугленнаго киля лодки, а въ другомъ тоже остатки лодки, какъ это признали и копавшіе рабочіе, изъ коихъ одинъ былъ лодочный мастеръ. Еще въ одномъ случаѣ, среди слоя угля, золы и обломковъ жженаго дерева можно было распознать загнутыя головежки полозьевъ отъ саней. Факты эти позволяютъ заключить, что умершаго иногда сожигали въ лодкѣ, а иногда на саняхъ. Изъ вещей въ могилахъ съ трупосожженіемъ иногда не оказывалось ничего, но большей частью удавалось находить нѣкоторые предметы. Такъ, въ двухъ такихъ курганахъ были найдены г. Нефедовымъ по три большихъ, какъ онъ ихъ называетъ—„сливовидныхъ“, бусъ темнаго цвѣта, сморщенныхъ, пострадавшихъ отъ огня; въ другомъ случаѣ оказался сильно пережженный диргемъ X вѣка, серебряный перстень съ большою печатью, украшенною изображеніемъ летящаго голубя, и черный камешекъ, какъ будто съ какимъ-то изображеніемъ; въ третьемъ нашлись части стекляннаго (темнаго); съ поперечными легкими зарубками, браслета (въ могилахъ съ погребеніями такихъ, повидимому, не находили); еще въ одномъ—остатки какого-то толстаго, пережженаго серебрянаго украшенія (повидимому—лунницы изъ хорошаго серебра съ зернью). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ курганы заключаютъ въ себѣ однако погребенія и притомъ въ вытянутомъ положеніи. Впрочемъ, въ немногихъ (4—5) случаяхъ встрѣтилось г. Нефедову и положеніе сидячее или, можетъ быть, на колѣняхъ или корточкахъ, судя по расположенію костей, причемъ въ одномъ случаѣ могила оказалась на 1 метръ ниже материка и обложенная кругомъ гладкими плитами *). Изъ вещей въ такихъ могилахъ или не находилось ничего, или же эти вещи не отличались отъ обычныхъ въ другихъ курганахъ. Такъ, въ одной могилѣ былъ найденъ желѣзный ножикъ и топоръ, въ другой—ножъ, бронзовый перстенекъ и бронзовое колечко у головы. Можно думать однако, что эти могилы относятся къ болѣе древней эпохѣ; во всякомъ случаѣ, при погребеніи здѣсь пользовались, повидимому, болѣе древнимъ ритуаломъ.

Обыкновенно же, какъ сказано, умершій погребался въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ и на уровнѣ материка; въ рѣдкихъ случаяхъ немного выше или ниже. (Въ одномъ—двухъ случаяхъ встрѣчено было, впрочемъ, изогнутое положеніе тѣла, на боку). Подъ умершимъ въ головахъ, иногда и подъ туловищемъ встрѣчался слой золы и угольковъ; случалось также, что голова лежала нѣсколько выше туловища. Преобладающее направленіе костяковъ было головою на западъ, ногами на востокъ. Изъ 413 кургановъ съ явственными остатками костяка, раскопанныхъ г. Нефедовымъ,

*) Въ Самарской губ., близъ ст. Сорочинской, г. Нефедовымъ былъ вскрытъ одинъ большой курганъ, въ которомъ подъ большимъ числомъ каменныхъ плитъ и на значительной глубинѣ оказался родъ дольмена изъ четырехъ вертикально стоячихъ плитъ, прикрытыхъ горизонтальною пятою, и въ этомъ каменномъ ящикѣ—костякъ, расположеніе костей котораго указывало на погребеніе въ сидячемъ положеніи или на корточкахъ. Изъ вещей нашлась при немъ лишь одна бронзовая пряжка.

это направленіе было констатировано въ 217; затѣмъ часто встрѣчалось также положеніе головою на юго-западъ (82 случая) и на сѣверо-западъ (45 случаевъ); такимъ образомъ, западное положеніе встрѣтилось въ 83% всѣхъ случаевъ. Попадались однако и другія положенія: головою на востокъ и юго-востокъ (24 сл.), на югъ (3), на сѣверъ (5); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконецъ, положеніе осталось невыясненнымъ или неотмѣченнымъ.

Обыкновенно подъ курганомъ оказывается одинъ костякъ, но встрѣчались рѣдкіе случаи (какъ въ раскопкахъ г. Нефедова, такъ и Костр. Арх. Коммиссіи), когда въ курганѣ находили два и даже три костяка. Иногда такой добавочный костякъ былъ дѣтскій и оказывался въ верхней части кургана, на 0,5—1,0 м. выше взрослаго (повидимому—женскаго) скелета; такихъ случаевъ встрѣтилось г. Нефедову два. Иногда же оба скелета принадлежали взрослымъ особямъ и лежали рядомъ, причемъ одинъ, очевидно, былъ мужскимъ, а другой женскимъ. Г. Нефедовъ описываетъ три такихъ случая. Въ одномъ, на пустоши Суховаровкѣ, Нерехотскаго уѣзда, на материкѣ оказались два костяка, головою на западъ; правый, мужской, былъ крупнѣе и лѣвая рука его была подведена подъ правую руку лѣваго скелета; ноги обоихъ, лѣвая мужскаго и правая женскаго скелета, также заходили одна за другую; лица были нѣсколько повернуты взаимно. Другой случай оказался въ курганѣ на пустоши Алабугѣ того же уѣзда; здѣсь также правая рука меньшаго (женскаго) скелета лежала на лѣвой рукѣ мужскаго и нога одного была закинута на ногу другого. Въ третьемъ случаѣ, на п. Сидѣльницѣ, одинъ курганъ оказался даже съ тремя костяками, лежащими рядомъ. Средній костякъ былъ большого роста, 184 с., очевидно мужской, что видно было и изъ сопровождавшихъ его вещей (топора, огнива, кремня); по правую сторону отъ него лежалъ скелетъ, очевидно женскій (ростомъ 159 сант.); правая рука его была положена на грудь, лѣвая—на лицо; наконецъ, по лѣвую сторону лежалъ костякъ молодой особи (лѣтъ 10—12), ростомъ въ 145 с. При раскопкахъ членовъ Архивной Коммиссіи были найдены однажды рядомъ въ одномъ курганѣ два женскихъ костяка. Какъ объяснить подобные случаи совмѣстнаго погребенія — одновременно ли естественною смертью особей, или насильственною (вольною или невольною) одного изъ субъектовъ, или послѣдующимъ разрытіемъ кургана для новаго погребенія—ни г. Нефедовъ, ни Арх. Коммиссія не берутъ на себя дать удовлетворительное объясненіе. Замѣтимъ, что подобные случаи совмѣстнаго погребенія указываются и другими изслѣдователями, напр. въ мерянскихъ курганахъ гр. Уваровымъ и въ курганахъ Петерб. губ. ген. Бранденбургомъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, курганъ насыпался надъ однимъ умершимъ, котораго клали одѣтымъ, обутымъ и въ головномъ уборѣ, причемъ рукамъ умершаго давалось различное положеніе. Иногда обѣ руки вытянуты вдоль туловища, иногда, наоборотъ, обѣ сложены на груди, на животѣ, или на лобкѣ, иногда одна рука вытянута вдоль, другая положена на грудь (и притомъ иногда лѣвая, иногда—правая); въ исключительныхъ случаяхъ одна рука (или даже обѣ) оказывались поднятыми кверху или положенными на щеку. Обыкновенно въ головахъ покойнаго, но иногда, въ ногахъ или даже сбоку, ставились горшки. Цѣльные горшки, встрѣчаются, впрочемъ,

рѣдко, обыкновенно только черепки; да и сохранившіеся, по словамъ Нефедова, при вынутіи почти всегда распадаются, вслѣдствіе ихъ плохого матеріала. Архивная Коммиссія была въ этомъ отношеніи счастливѣе, и на ея таблицахъ можно видѣть нѣсколько вполнѣ сохранившихся горшковъ. Формою они или округленные (съ выпуклымъ дномъ и прямымъ горломъ), или, чаще, ввидѣ небольшихъ чугуновъ (одинъ, впрочемъ, вмѣстимостью съ ведро) или современныхъ горшковъ, съ плоскимъ дномъ, сдѣланномъ отъ руки или на гончарномъ станкѣ; на днѣ нѣкоторыхъ горшковъ, добытыхъ раскопками членовъ Архивной Коммиссіи, оказались выпуклыя клейма (ввидѣ креста, заключеннаго въ квадратъ, звѣзды въ кругѣ, ромба съ діагоналями и т. п.). Обжигъ горшковъ, плохой, матеріалъ тоже, съ примѣсью песка или битыхъ рѣчныхъ раковинъ. Орнамента или нѣтъ, или онъ состоитъ изъ немногихъ вдавленныхъ, параллельныхъ (идущихъ кругомъ), прямыхъ или волнистыхъ линій, рѣже еще съ поперечными или косыми между ними черточками. Въ горшкахъ, вѣроятно, ставилась пища; такъ можно заключить изъ того, что иногда на нихъ видны слѣды покрывавшей ихъ бересты (очевидно для того, чтобы въ горшокъ не попала земля). Лѣтомъ 1898 г. членамъ Архивной Коммиссіи удалось найти несомнѣнное тому подтвержденіе въ одномъ курганѣ близъ д. Исаева, Грузинской вол., Костромскаго уѣзда. Здѣсь горшокъ былъ найденъ на глубинѣ 50 сант. въ западной части кургана, выше костяка, лежавшаго на глубинѣ 95 сант. и оказавшагося значительно истлѣвшимъ, безъ всякихъ при ней вещей. Слѣпленный изъ слабообожженой глины съ примѣсью хряща, неравнобокій, сдѣланный, что называется, на скорую руку, горшокъ этотъ походитъ на обыкновенный русскій кашникъ, только съ болѣе широкимъ отверстіемъ, и украшенъ вдоль верхняго края двумя параллельными вдавленными линіями. Онъ былъ покрытъ другимъ горшкомъ, или вѣрнѣе, нижней половиной другого горшка, слѣпленнаго и обожженнаго лучше. Благодаря покрышкѣ, содержимое горшка отчасти сохранилось, и въ немъ можно было различить кости щуки и яичную скорлупу, можетъ быть, какъ полагаетъ Бекаревичъ, отъ яицъ дикихъ утокъ, водившихся, вѣроятно, тогда въ изобиліи въ ближайшей рѣчкѣ Покшѣ.

Г. Нефедовъ представляетъ себѣ обычный типъ погребенія въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ въ такомъ видѣ. Умершій полагался на материкъ, посыпанный золою и углями; въ головахъ или ногахъ его ставили горшокъ съ пищей; послѣ этого тѣло засыпали слегка землею, по которой разбрасывали тоже угли; хотя рѣдко, но попадались еще въ ногахъ костяка кости овцы или быка; наконецъ, окончательно засыпали землей, бросая иногда также угли, и возводили всю насыпь. Кромѣ того, часто надъ покойникомъ, на нѣкоторой высотѣ (отъ 15 до 30 сант. по средней линіи), дѣлали заливку сводомъ, изъ песку, глины и извести; въ журналахъ г. Нефедова о такой заливкѣ упоминается въ 72 случаяхъ, т. е. въ 17,5%; иногда она дѣлалась только надъ головою и грудью, иногда надъ всѣмъ тѣломъ. Повидимому, такая заливка служила замѣною склепа, дѣлавшагося, вѣроятно, нѣкогда изъ известковыхъ плитъ. Кости животныхъ и угли встрѣчались какъ на материкѣ, такъ и надъ заливкой, въ ногахъ. Когда такая заливка была окончательно готова, надъ ней уже насыпался курганъ. Съ подобной заливкой г. Нефедовъ встрѣчался ранѣе въ курганахъ Самарской губ., земли

Оренбургскихъ казаковъ, Тургайской области, Уфимской губ. и въ могильникахъ на Камѣ. Тамъ нерѣдко такая заливка приводила его въ недоумѣніе; казалось, дошли до материка, но твердость земли и ея особый цвѣтъ заставляли продолжать работу; послѣ нѣсколькихъ ударовъ кайломъ или ломомъ обнаруживался провалъ и дѣло объяснялось. Любопытно однако, что въ журналахъ Архивной Коммиссіи вовсе не упоминается о такой заливкѣ, за то указывается, что въ нѣкоторыхъ курганахъ находили остатки сосновыхъ колодъ, обложенныхъ еще берестой. Кромѣ того, и члены Коммиссіи, и г. Нефедовъ встрѣчали иногда слѣды бересты, обертывавшей непосредственно трупъ.

Костяки въ могилахъ оказывались, большею частью, плохо сохранившимися и въ значительной степени истлѣвшими. Изъ многихъ сотенъ кургановъ удалось извлечь лишь нѣсколько десятковъ цѣльныхъ череповъ, преобладающая форма коихъ долихо — и субдолихоцефальная. Что касается вещей, находимыхъ при костякахъ, то ихъ число и разнообразіе въ различныхъ курганахъ весьма различно. Иногда ихъ нѣтъ вовсе, или очень мало (только слѣды мѣди и ржавчины желѣза съ известковой трухой костей), иногда при одномъ костякѣ оказывается цѣлый рядъ предметовъ, особенно украшеній. Большимъ богатствомъ отличались погребенія въ нѣкоторыхъ одиночныхъ курганахъ, ссыпанныхъ поодоль отъ прочихъ въ данной группѣ. Вообще же, мужскія могилы бѣднѣе вещами, хотя различеніе мужскихъ могилъ отъ женскихъ не всегда можетъ быть проводимо съ точностью, и въ журналахъ Коммиссіи полъ погребенныхъ большей частью даже не указывается. Г. Нефедовъ, однако, во многихъ случаяхъ отмѣчалъ длину костяка, и эти цыфры даютъ часто возможность съ большею долею вѣроятности опредѣлить полъ погребенной особи.

Въ мужскихъ могилахъ не оказывается иногда никакихъ вещей, или только небольшой желѣзный ножикъ, у праваго или лѣваго бедра. Такіе ножики не составляютъ однако исключительной принадлежности мужскихъ могилъ и встрѣчаются также въ несомнѣнно женскихъ. Болѣе характерными признаками мужскихъ погребеній могутъ служить: желѣзное огниво и кремень (чаще плохой) у праваго или лѣваго бедра, обыкновенно вмѣстѣ съ ножомъ, а иногда съ другими неопредѣленными желѣзками, и топоръ, обыкновенно въ ногахъ, или у бедра (праваго или рѣже—лѣваго). Ножъ, повидимому, привѣшивался къ поясу, къ которому прикрѣплялись также, надо думать, въ какомъ-нибудь мѣшечкѣ, огниво и кремень, а иногда еще брусокъ, костяной гребешекъ и различныя привѣски. Ножикъ носился большею частью въ деревяннныхъ или кожаныхъ ножнахъ и былъ снабженъ деревянной или костяной рукояткой. Головной уборъ мужчинъ состоялъ изъ охватывающаго голову ремня, украшеннаго нѣсколькими бронзовыми проволочными колечками. Тѣло было прикрыто одеждой, на которую указываютъ, впрочемъ, лишь скудные остатки шерстяной или льняной ткани, иногда бронзовая пуговка на шеѣ, кольца на плечахъ и остатки кожанаго или шерстянаго (изъ широкой тесьмы) пояса съ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ или пряжкой. На ногахъ, во многихъ случаяхъ, оказывались остатки кожаной обуви, иногда съ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ у наружнаго мыщелка ноги. Изъ украшеній — встрѣчались бляхи, серебряные диргемы, образки на груди, перстни и витыя кольца на пальцахъ рукъ, изрѣдка браслеты на запястьяхъ и серьги въ ушахъ, а равно привѣски въ формѣ

коньковъ или колокольчика съ цѣпочками и лапками на поясѣ *). Изъ орудій были еще находимы желѣзныя косы, желѣзные пробои съ кольцомъ, желѣзное долотце, крючокъ (рыболовный); а въ отчетахъ Архивной Коммиссіи упоминается также о желѣзной мотыгѣ, желѣзномъ молотѣ и двухъ желѣзныхъ булавахъ. Оружія было найдено очень мало. Нефедовъ встрѣтилъ только въ одномъ случаѣ желѣзную стрѣлку. Раскопки Археолог. Коммиссіи доставили нѣсколько наконечниковъ копій и стрѣлъ и нѣсколько топоровъ съ расширеннымъ лезвеемъ, служившихъ, можетъ быть, боевыми сѣкирами. Мечей или сабель не найдено вовсе, равно какъ никакихъ слѣдовъ луковъ, щитовъ, кольчуги, шлема, удилъ. Населеніе было, повидимому мирное, занимавшееся охотою (въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи было найдено нѣсколько клыковъ и костей медвѣдя), рыболовствомъ, пчеловодствомъ (нѣкоторые ножи указываютъ, повидимому, на ихъ приспособленіе для подрѣзанія сотовъ), скотоводствомъ (шерстяная ткань, кости овцы и быка; желѣзныя ножницы для стрижки овецъ и косы-горбуши въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи) и земледѣліемъ (серпы).

Женскія могилы отличаются, въ общемъ, большимъ богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ, хотя, конечно, рядомъ съ могилами, богаче обставленными, встрѣчаются и очень бѣдныя. Голову женщинъ покрывалъ уборъ, состоящій изъ лубка или бересты и обшивавшійся, вѣроятно, какою-нибудь матеріей, или изъ кожи. Въ томъ и другомъ случаѣ, по убору, начиная отъ ушей и кончая серединою лба, прикрѣплялись бронзовыя и серебряныя, проволочныя кольца, различной величины, въ числѣ отъ 2 до 9—12 на каждой сторонѣ, и именно около ушей и на вискахъ самыя крупныя, а на лбу небольшія; передній край головного убора украшался также иногда узкимъ галуномъ или позументомъ. Въ одномъ случаѣ на лбу оказалась полоска бересты съ прикрѣпленными къ ней поперекъ продолговатыми, серебряными и вызолоченными пластинками (сохранилось 13), украшенными разноцвѣтною эмалью въ формѣ кружковъ и крестиковъ. На шеѣ носились бусы (чаще, впрочемъ, въ небольшомъ числѣ—3, 5, 8, рѣже 10—12 и еще рѣже до 100)—изъ пасты, стекла, сердолика, янтаря, бронзы—различной величины и формы, иногда бронзовыя или серебряныя гривны, ожерелья изъ металлическихъ костыльковъ, металлическія цѣпочки съ различными медальонами, крестиками и т. д. Кромѣ того, на шеѣ и ниже на груди встрѣчались бронзовыя пуговки (до трехъ по средней линіи) и бубенчики, лунницы, серебряные диргемы (обыкновенно съ прикленанными къ нимъ мѣдными ушками, привѣски съ изображеніемъ коньковъ, пѣтушковъ, уточекъ и т. д., или въ видѣ усѣченнаго конуса, обыкновенно съ лапками или бубенчиками на цѣпочкахъ, также разныя прорѣзныя круглыя или треугольныя бляшки, парные коньки, игольники, пряжки, какіе-то камешки и т. д. На плечахъ попадались большія бронзовыя и серебряныя кольца, зажгутованныя въ мѣстахъ соединенія, а также литыя, плоскія, бронзовыя кольца. Въ ушахъ встрѣчались

---

*) О ношеніи женскихъ украшеній мужчинами свидѣтельствуютъ повидимому, такіе случаи: 1) костякъ длиною 185 с. (очень высокаго роста), въ ногахъ топоръ, на лѣвой рукѣ браслетъ. 2) Костякъ длиною 188 с.; около ушей серьги, на правомъ плечѣ бронзовое кольцо, на пальцахъ правой и лѣвой руки по два перстня, на лѣвой рукѣ браслетъ, у лѣваго бедра ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, на спинѣ (?) 12 бусъ и образокъ, у пояса слѣва конекъ и привѣска колокольчикомъ, а справа образокъ и крестъ.

сережки, обыкновенно изъ проволочныхъ колецъ, съ надѣтыми на нихъ бусами, серебряными шариками, образками, лунницами, иногда и другихъ формъ. На запястьяхъ рукъ, а иногда и выше, носились бронзовые браслеты (рѣдко стеклянные или желѣзные), литые или пластинчатые (листовые), или изъ перевитой проволоки, а на пальцахъ (особенно на безымянномъ) перстни и кольца. За спиной оказывались иногда остатки косы (обыкновенно черной или темнорусой—каштановой), къ которой, кажется, иногда тоже прикрѣплялись разныя привѣски. Платье (отъ котораго иногда сохранились маленькіе лоскутки), охватывалось, повидимому, поясомъ, стягивавшимся помощью кольца или пряжки, и къ которому, на ремешкахъ, шерстяныхъ шнуркахъ или цѣпочкахъ, прикрѣплялись бронзовыя фигурки коньковъ, уточекъ, привѣски колокольчикомъ, привѣски въ видѣ маленькихъ ноженъ, трубочки и т. д. Вещи эти иногда оказывались заключенными въ кожаный или берестяной футляръ или завернутыми въ матерію. На ногахъ находили остатки кожы отъ башмаковъ, а у наружнаго мыщелка ноги бронзовое или желѣзное кольцо.

Сопоставленіе вещей показываетъ, что однѣ изъ нихъ (какъ, напримѣръ, желѣзныя и многія изъ мѣдныхъ или бронзовыхъ, вродѣ височныхъ, ручныхъ и поясныхъ колецъ, пряжекъ, даже браслетовъ, бляшекъ и привѣсокъ) отличаются сравнительно простою и грубою работою и производились, надо думать, на мѣстахъ. Г. Нефедовъ указываетъ на то, что и теперь еще въ двухъ волостяхъ Костромского и Нерехотскаго уѣздовъ, особенно въ селахъ Красномъ и Сидоровскомъ, лежащихъ насупротивъ одно съ другимъ, на правомъ и лѣвомъ берегахъ Волги, существуетъ съ незапамятныхъ временъ кустарное производство серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, какъ-то сережекъ, браслетовъ, перстней, колецъ, крестиковъ и т. д. Но рядомъ съ такими, болѣе простыми издѣліями въ курганахъ встрѣчаются многіе предметы болѣе совершенной работы и, судя по ихъ типамъ и формѣ, несомнѣнно, привозные. Къ числу такихъ относятся, кромѣ серебряныхъ монетъ (диргемовъ) и разнообразныхъ бусъ, также и вообще издѣлія изъ хорошаго серебра или съ золотою накладкой и эмалью, серебряныя лунницы съ зернью, золотой галунъ, многочисленные мѣдные крестики и образки, своеобразныя сережки съ крестиками, тремя серебряными шариками и др., нѣкоторыя болѣе изящныя пряжки, серебряные перстни съ узорчатою печатью, стеклянные браслеты и болѣе изящные бронзовые, изъ мелкаго плетенья или филиграновые, сложныя ажурныя и другія привѣски, игольники, бронзовыя ножны, литыя изображенія миѳическихъ животныхъ и т. д. Всѣ подобныя вещи указываютъ на довольно развитыя торговыя сношенія, на занось сюда произведеній промышленности Востока, Юга и Запада, что выясняется еще болѣе изъ подробнаго сравненія отдѣльныхъ категорій предметовъ. Находки монетъ позволяютъ опредѣлить преобладающую эпоху погребеній концомъ X-го и XI-мъ вѣками, хотя часть могилъ слѣдуетъ, можетъ быть, отнести къ нѣсколько болѣе древнему времени, а часть, по всей вѣроятности, заходитъ и въ XII-й вѣкъ. Но уже типичныхъ вещей XIII-го вѣка, судя по сравненію съ древностями той же эпохи изъ другихъ мѣстностей Россіи, здѣсь констатировать нельзя. Съ другой стороны, различія въ ритуалѣ погребеній (собственно погребеніе и трупосожженіе, нѣсколько случаевъ погребенія въ сидячемъ положеніи, неодинако-

вое положеніе костяка и т. д.) могутъ наводить на мысль о различіи встрѣчавшихся на данной территоріи народностей, хотя въ общемъ, если судить по вещамъ, культура населенія представляется довольно однородною.

Для лучшаго представленія о культурѣ слѣдуетъ однако остановиться на отдѣльныхъ категоріяхъ предметовъ. Что касается *желѣзныхъ вещей*, то мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями. *Ножи* имѣютъ въ длину (въ клинкѣ) отъ 5 до 12 сант.; они обыкновенно прямые (немногіе съ выпуклой, изогнутой спинкой), заостренные на концѣ, съ нѣсколько выпуклымъ къ концу лезвеемъ. Рукоятка ихъ рѣдко костяная, чаще деревянная, иногда съ бронзовымъ ободкомъ при началѣ клинка. Въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи встрѣтился одинъ ножъ съ кольцомъ на концѣ и 1—2 съ утолщеніемъ на этомъ мѣстѣ. *Огнива*—длиною отъ 8 до 13 сант.; они обыкновенно имѣютъ форму сжатаго овала съ суженными или срѣзанными поперечно концами; въ срединѣ ихъ узкій прорѣзъ; найдено также 2—3 экземпляра особой формы (въ видѣ буквы „вѣди“, какъ называетъ ихъ г. Спицынъ). *Желѣзныя кольца*—обыкновено довольно толстыя, хотя небольшія въ діаметрѣ, находятся на поясѣ или у наружнаго мыщелка ноги. *Желѣзныя пряжки*—также толстыя, небольшія, съ иглою. *Топоры* — большею частью узкіе, съ небольшой вырѣзкой снизу, съ слегка выпуклымъ лезвіемъ, или постепенно расширяющіеся къ лезвію и съ двумя небольшими выступами, вверхъ и внизъ, на тыльѣ; рѣдко съ расширеннымъ, выпуклымъ лезвіемъ и съ суженною заднею частью; топоромъ мерянскаго типа съ большой вырѣзкой снизу или съ удлиненнымъ тыльемъ не найдено вовсе. *Наконечники копій* были встрѣчены лишь въ 2—3 экземплярахъ, въ раскопкахъ членовъ Арх. Коммиссіи; они имѣютъ до $1^1/_2$ четверти въ длину и снабжены втулкою. *Наконечники стрѣлъ* тоже очень рѣдки; они обыкновенной удлиненной формы съ черенкомъ. Найденъ былъ также наконечникъ *остроги* или багра; нѣсколько *пробоевъ съ кольцомъ* (неизвѣстнаго назначенія; подобные извѣстны и изъ кургановъ Петербургской губ.); *скобы; долотце*; какія-то четырехгранныя *желѣзки; серпы*—довольно широкіе и полого загнутые; *косы* – (2—въ раскопкахъ Арх. Комм.); *ножницы для стрижки овецъ;* родъ желѣзной *лопаточки* (длиною до 10 сант.); *крючекъ* въ видѣ буквы S (9 сант. длиною); *гвозди; гайки; молотокъ;* родъ небольшой *булавы*; можно упомянуть еще о желѣзныхъ иглахъ на бронзовыхъ пряжкахъ и о *желѣзномъ дѣтскомъ браслетѣ*, сдѣланномъ, очевидно, въ подражаніе бронзовому и найденномъ въ одномъ экземплярѣ въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи.

Разнообразнѣе *бронзовыя* вещи, въ составъ которыхъ входитъ, кромѣ мѣди, также олово, а въ нѣкоторыхъ еще, повидимому, свинецъ, цинкъ и желѣзо (количественныхъ анализовъ, впрочемъ, не производилось, а только немного качественныхъ). Видъ вещей различенъ: однѣ покрыты зеленой патиной, другія выказываютъ сѣрый цвѣтъ, и иногда имѣютъ видъ вродѣ никкелированныхъ.

Самой распространенной категоріей украшеній служили *височныя кольца* (Неф. табл. I, 1), 1,8—5 сант. въ діам., обыкновенно бронзовыя, но иногда и серебряныя, причемъ на 8—12 и болѣе колецъ встрѣчается не болѣе 1—2 серебряныхъ. Въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи 1895 г. на 336 бронзовыхъ было найдено 28 серебряныхъ,

БИБЛІОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

въ раскопкахъ 1897 г., на 196 первыхъ—только 5 вторыхъ. Согнуты кольца обыкновенно изъ простой проволоки, причемъ одинъ изъ концовъ загнутъ почти всегда крючкомъ (но не въ видѣ S, какъ въ западныхъ славянскихъ курганахъ, а съ другой стороны—и рѣдко совсѣмъ безъ загиба, какъ въ курганахъ Петербургской губ.). Встрѣчаются кольца въ числѣ 1—13 на каждой сторонѣ головы (въ петербургскихъ курганахъ по 1—2), причемъ часто они сцѣплены между собою. Попадаются изрѣдка кольца съ пластинчатыми на нихъ расширеніями; въ раскопкахъ Нефедова такихъ найдено 2—3 съ двумя или тремя ромбондальными расширеніями, въ раскопкахъ Коммиссіи они встрѣчались немного чаще, и съ 3—4 овальными расширеніями, украшенными орнаментомъ изъ четырехъ выпуклинъ и промежуточнаго крестика, сдѣланнаго изъ двухъ точечныхъ линій; одно расширеніе, приходящееся на концѣ, обыкновенно на половину срѣзано. Такія кольца съ расширеніями встрѣчаются и въ курганахъ Петербургской губ., но тамъ они составляютъ преобладающій типъ ($^2/_3$ случаевъ), здѣсь же, въ Костромской губ., они являются исключеніями. При многихъ кольцахъ сохранились еще остатки отъ головного убора. Въ рѣдкихъ случаяхъ на простыхъ кольцахъ надѣты 2 синія бусины; подобныя колечки употреблялись иногда и для серегъ.

Серьги—встрѣчаются довольно часто (тогда какъ онѣ рѣдки въ петербургскихъ курганахъ). Въ числѣ ихъ не найдено совершенно съ дротомъ и бусиной на концѣ и со многими шариками на колечкѣ (позднѣйшихъ типовъ). Попались только 2—3 съ четырьмя шариками, какія обыкновенны въ курганахъ Петербургской губ., но тамъ встрѣчаются и съ 6—7 шариками, относимыя г. Спицынымъ уже къ XIII вѣку. Только въ одномъ случаѣ шарики эти оказались гладкими, чаще съ неровной витой поверхностью (XII в.). Вообще серьги могутъ быть подраздѣлены на слѣдующіе типы: 1) колечко съ одной бусиной, бѣлой, синей, янтарной и т. д.; 2) колечко съ тремя круглыми или плоскоцилиндрическими шиповатыми шариками, обыкновенно серебряными, т. наз. кіевскаго типа (Неф. таб. 5, 19, 20); попадаются, впрочемъ, и съ сдѣланными въ подражаніе имъ гладкими бронзовыми, причемъ колечко и шарики получались литыми изъ одной формы (Неф. таб. 5, 18); 3) колечко съ надѣтымъ на него круглымъ медальономъ (изъ кружка, охватывающаго сѣтку или 8-ми лучевую звѣзду), или образкомъ (съ изображеніемъ Богородицы или святого) (табл. 6, 34—35), или лунницей, или коготкомъ (табл. 5, 24); послѣдній имѣетъ видъ звѣринаго коготка и былъ найденъ на колечкѣ въ одномъ случаѣ на двухъ серьгахъ; совершенно такія же серьги извѣстны и изъ раскопокъ мерянскихъ кургановъ; 4) колечко съ пластинчатымъ расширеніемъ нижней половины; пластинчатая половина представляетъ почти обособленную подковку, по окружности которой придѣланы три маленькихъ лапки (въ раскопкахъ Арх. Комм.).

Шейныя гривны встрѣчены Нефедовымъ въ 6—7, Арх. Коммиссіей—въ десяткѣ случаевъ. Встрѣчаются простыя, но чаще витыя, иногда еще съ тонкой перевитью. Въ одномъ экземплярѣ концы ихъ смыкаются крючками (Неф. таб. 1, 7); большей же частью не сходятся и заканчиваются или утонченіями, или загибами (таб. 1, 8), или усѣченными, широкими и толстыми концами. Подобныя извѣстны и изъ Мерян-

скихъ кургановъ, но тамъ встрѣчаются также плетеныя изъ мелкой цѣпочки. Иногда гривна замѣнялась шнуркомъ съ нанизанными на него бронзовыми спиральками и колечками.

Ожерелья и бусы. Послѣднія—бронзовыя или глиняныя (изъ пасты, каменныя и т. д.).

Бронзовыя бусы—встрѣчаются иногда въ большомъ числѣ (3—4) и тогда онѣ крупныя, цилиндрической формы, глазчатыя (т. е. съ круглыми на нихъ ямками) (таб. 5, 2), или удлиненно-боченковидныя (до 2,1 сант. длиною) съ шишковатой поверхностью, или, наконецъ, амфоровидныя, съ спиральными на нихъ завитками (такая была найдена гр. Уваровымъ въ мерянскихъ курганахъ на серьгѣ). Мелкія бронзовыя буски—цилиндриками, спиральками или колечками—нанизывались, иногда въ большомъ числѣ, на шерстяной шнуръ (многіе остатки такихъ шнуровъ сохранились). Мѣсто бусъ занимаютъ (Неф. таб. 2, 15) иногда костыльки (какъ и въ петербург. курганахъ) или цѣпочки, иногда съ разными къ нимъ привѣсками, монетами и т. д. Цѣпочки состоятъ изъ колечекъ или изъ небольшихъ бронзовыхъ ремешковъ, связанныхъ между собою колечками.

Глиняныя и каменныя бусы выказываютъ большія различія въ матеріалѣ, величинѣ, формѣ, цвѣтѣ. Попадаются большія удлиненныя (сердоликовыя) или круглыя (изъ горнаго хрусталя или стекла); многія имѣютъ цилиндрическую боченковидную, округленную форму, иныя спаены изъ 2—3 и болѣе, другія имѣютъ рубчатую поверхность и т. д. По цвѣту—есть бѣлыя съ синими или черными глазками, черныя съ бѣлыми поперечными полосками, синія съ желтыми и бѣлыми глазками, бѣлыя фарфоровыя, блестящія и тусклыя; стеклянныя золоченыя и посеребренныя; красныя, зеленыя, желтыя, синія, черныя и т. д. Одна большая бусина, найденная у правой руки, около бедра, представляетъ изъ себя, очевидно, *пряслицу*, и служила для веретена. Упомянемъ еще о найденныхъ въ качествѣ украшеній раковинахъ *каури* и *медвѣжьихъ зубахъ* и *когтяхъ* (въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи).

Принадлежностями туалета служили костяные *гребешки;* таковыхъ найдено, впрочемъ, только два экземпляра, одинъ съ обычнымъ орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ и точекъ, и бронзовыя уховертки (табл. 2, 12); послѣднія носились на поясѣ (въ ушкѣ нѣкоторыхъ сохранился еще остатокъ ремешка) и выказываютъ часто узорчатую прорѣзную ручку съ боковыми выступами, которыя въ лучшихъ экземплярахъ имѣютъ видъ парныхъ конскихъ головокъ.

Перстни и *кольца* на пальцахъ; первые обыкновенно литые, имѣющіе видъ витыхъ или рубчатыхъ, вторыя—пластинчатыя, съ расширеніемъ напереди и съ точечнымъ орнаментомъ (линіи, кружочки). Концы перстней либо только сходятся, либо чаще заходятъ одинъ за другой. Попадаются и широкіе, прорѣзные, съ дырочками, но рѣдко, не такъ, какъ въ московскихъ курганахъ, гдѣ ихъ масса. Есть съ печаткой, чаще съ гладкой, иногда съ глазками. Серебряный перстень былъ найденъ Нефедовымъ въ одномъ экземплярѣ, съ изображеніемъ летящей птички и 4-мя маленькими глазками, въ могилѣ съ трупосожженіемъ (таб. 3, 20). Другой серебряный перстень съ печатью, на которой имѣется изображеніе льва, поднявшаго хвостъ, со слѣдами

зеленой и синей эмали, былъ найденъ при раскопкахъ Арх. Коммиссіи близъ д. Чижево.

Браслеты, почти исключительно бронзовые, представляютъ слѣдующія главныя категоріи: а) *пластинчатые* или листовые, украшенные простымъ точечнымъ орнаментомъ изъ ромбовъ, косыхъ линій, треугольниковъ, кружочковъ (таб. 1, 15), б) литые болѣе или менѣе массивные, отчасти пластинчатой формы (таб. 1, 17, 18), иногда съ особо орнаментированными концами, имѣющими даже (рѣдко) форму звѣриныхъ головокъ (подобные находили и въ петербургскихъ курганахъ), отчасти витые или рубчатые (таб. 1, 14); в) свитые изъ проволоки, иногда болѣе толстой и простой, иногда рубчатой (табл. 1, 11, 16, 20); иногда болѣе тонкой, двойной, иногда мелкой, переплетенной или перевитой еще болѣе тонкой (таб. 1, 21, 13); г) цѣпотчатые и филиграновые, изъ очень тонкаго и мелкаго плетенья (таб. 1, 10). Иногда у одного и того же субъекта на одной рукѣ листовой браслетъ, на другой массивный, витой или филиграновый. Въ одномъ случаѣ встрѣтился желѣзный дѣтскій пластинчатый браслетъ (раск. Арх. Комм., см. рис. въ текстѣ № 4-й); а въ 2-хъ—3-хъ стеклянные браслеты, одинъ синій витой (таб. 1, 22), а другой черный, мелкорубчатый (въ могилѣ съ трупосожженіемъ) (таб. 1, 23).

Пуговки и *бубенчики*. Первыя—мелкія, грушевидныя, съ ушкомъ, встрѣчаются по 1—3 на груди, по средней линіи, и служили, очевидно, для застегиванія одежды (сорочки или платья) (таб. 5, 15). Вторые—обычные, круглой формы, съ ушкомъ, съ маленькими дырочками или съ крестообразнымъ прорѣзомъ внизу и съ 4-мя нарѣзанными линіями вокругъ (по экватору) (таб. 5, 15). Въ бубенчикахъ иногда имѣется шарикъ, иногда нѣтъ.

Кольца отъ пояса, обуви, одежды. Кольца отъ пояса — большой величины, иногда круглыя, гладкія (полированныя), сѣроватаго цвѣта, или плоскія, покрытыя чаще патиной; изъ послѣднихъ нѣкоторыя съ орнаментомъ изъ грифовыхъ головокъ (таб. 5, 5) или акантовыхъ разводовъ. На одномъ кольцѣ встрѣчены какія-то нарѣзки, нѣсколько напоминающія пехлевійскія начертанія (но не соотвѣтствующія имъ, по указанію акад. Залемана). Во многихъ кольцахъ сохранился остатокъ широкой шерстяной тесьмы. Кольца отъ обуви обыкновенно небольшія, но толстыя, гладкія или рубчатыя (попадаются и желѣзныя). На плечахъ также иногда находили кольца, но тонкія, изъ проволоки, большого діаметра, съ зажгутованными концами. Одно толстое кольцо, съ двумя пересѣкающими его поперекъ, подъ острымъ угломъ, перекладинами и съ круглымъ выступомъ въ центрѣ (вродѣ колеса съ осью), служило, повидимому, пряжкой и было найдено у пояса (таб. 1, 7).

Пряжки; ихъ находятъ у пояса и на груди. Болѣе обычная форма подковообразная съ близко сходящимися концами (извѣстно около 20 экз.), съ иглой на простой петлѣ; концы подковы свободно (рѣдко соединены между собой тонкой перекладиной) и обыкновенно согнуты спирально (трубкообразно) (таб. 5, 9—11), рѣже—оканчиваются головками, круглыми (таб. 5, 6) или четырехугольными, согнутыми напередъ (таб. 5, 7), въ одномъ случаѣ съ ямками (таб. 5, 8). Въ поперечномъ разрѣзѣ подкова овальная, трехгранная или съ выпуклымъ ребромъ на наружной сторонѣ;

размѣръ пряжекъ обыкновенно небольшой, болѣе крупныя—рѣдки. Орнамента на нихъ почти не встрѣчается, чѣмъ онѣ отличаются отъ подобныхъ же пряжекъ изъ мерянскихъ, петербургскихъ и прибалтійскихъ кургановъ. Попадаются и пряжки особыхъ типовъ, напр. круглая, сплошная, съ тыльемъ изъ двухъ выступовъ съ перекладиной (таб. 5, 12); овальная укрѣпленная подвижно въ трехъ колечкахъ, имѣющихъ назади прибавокъ изъ двухъ круглыхъ возвышеній, каждое съ орнаментовъ изъ концентрическихъ кружковъ (таб. 5, 13); круглая, сплошная, серебряная, слегка выпуклая, съ иглой на обратной, вогнутой сторонѣ кружка, наружная сторона котораго украшена узоромъ, нѣсколько наминающимъ свастику, но вѣрнѣе—Сегнерово колесо (см. рис. въ тек. 3, б, изъ раскопокъ Арх. Комм.); такія же извѣстны изъ кургановъ Петербург. губ.

Самыми любопытными предметами можно однако считать *привѣски*, служившія отчасти украшеніями (а иногда, повидимому, и для практическихъ цѣлей), отчасти же религіозными символами и амулетеми. Къ привѣскамъ, служившимъ для украшенія, повидимому, имѣвшимъ и практическую цѣль, слѣдуетъ отнести т. наз. *игольники*.

Къ нимъ мы позволяемъ себѣ отнести три категоріи украшеній, хотя до сихъ поръ относили только одну изъ нихъ, именно: а) довольно длинныя (1—2 вершка) (литыя) трубочки съ болѣе или менѣе орнаментированною прорѣзною дужкою, подвѣшивавшіяся (за эту дужку) горизонтально на груди, на ремешкѣ или цѣпочкѣ, а иногда снабженныя еще внизу ушками или колечками, къ которымъ прикрѣплены висячія короткія цѣпочки, оканчивающіяся колокольчиками (безъ язычковъ). Въ простѣйшей формѣ такая трубочка имѣетъ только простую дужку, при помощи которой она и подвѣшивалась на ремешкѣ (вѣроятно къ платью); въ болѣе сложныхъ надъ одной дужкой является другая, орнаментированная, иногда еще съ добавочными боковыми фигурками (коньками) (см. рис. въ тек. 1 а., изъ раск. Арх. Ком.), или же дужка превращается въ сплошную прорѣзную бляху, въ которой можно иногда различить животный парный орнаментъ (табл. 4, 21), иногда же орнаментъ этотъ переходитъ въ плетенье (таб. 4. 22), или сливается въ гладкую бляху со сквозными отверстіями (таб. 4, 23). Подобные „игольники“ находили и въ курганахъ Петерб. губ., и Брандербургъ первый далъ имъ такое обозначеніе, основываясь на фактѣ находки имъ, въ одномъ случаѣ, въ трубочкѣ—желѣзной иглы. б) Предметы въ родѣ болѣе или менѣе сплюснутаго, полаго внутри флакончика, съ горлышкомъ и отверстіемъ вверху (а также и внизу), съ привѣсками и висячими цѣпочками. Одинъ такой бронзовый флакончикъ (изъ раск. Арх. Комм., длиною около 7 сант.)—со сплошными стѣнками, безъ прорѣзовъ въ нихъ, съ орнаментомъ изъ ромбовъ и треугольниковъ; внизу къ нему были подвѣшены за ушки двѣ одинаковыхъ привѣски, каждая изъ трехъ слитыхъ вмѣстѣ кружковъ, украшенныхъ орнаментомъ изъ спиралей и снабженныхъ внизу тремя ушками, къ которымъ прикрѣплены три короткихъ цѣпочки, оканчивющихся лапками (см. рис. въ тек. № 2). Другой экземпляръ, изъ раскопокъ Нефедова, имѣетъ видъ плоской (съ слегка выпуклыми стѣнками) бутылки, съ короткимъ горлышкомъ, съ четырьмя поперечными прорѣзами на передней сторонѣ и съ тремя ушками внизу для цѣпочекъ, отъ конхъ сохранились только двѣ, оканчивающіяся бубенчиками, и въ

каждой одно изъ звеньевъ имѣетъ фигуру птички (таб. 2, 10). Обозначеніе этого вида украшеній игольниками основывается, съ одной стороны, на трудности дать имъ иное объясненіе, а съ другой—и на нѣкоторыхъ аналогіяхъ, встрѣчаемыхъ у сибирскихъ инородцевъ. Такъ у чукчей до сихъ поръ еще носятся женщинами игольники, состоящіе изъ трубочекъ, пришиваемыхъ помощью ремешковъ къ платью на груди. Трубочки эти, въ простѣйшей формѣ, дѣлаются изъ отрѣзковъ длинныхъ, трубчатыхъ, звѣриныхъ костей, а въ болѣе совершенной—изъ мѣдныхъ цилиндровъ (вершка въ 3 длиною); сквозь такую трубочку пропускается мягкій ремешекъ съ узломъ внизу, который и не позволяетъ ей соскочить съ ремешка, въ ремешокъ втыкаются иголки съ нитками, и когда иголка понадобится, чукчанка беретъ трубочку, вытаскиваетъ за узелъ изъ нижняго ея конца ремешокъ и достаетъ иголку, послѣ чего снова вдергиваетъ ремешекъ въ трубочку, которая и прикрываетъ такимъ образомъ иголки. На

Рис. 1. а. Привѣска съ бубенчиками; б. Игольникъ изъ горизонтальной трубочки съ двойной на ней дужкой и коньками по сторонамъ. Въ $^2/_3$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Костромского Уч. Архив. Коммиссіи).

Рис. 2. Игольникъ въ видѣ полаго внутри флакончика съ отверстіями вверху и внизу и съ двумя привѣсками внизу. Въ $^2/_3$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Костр. Уч. Арх. Комм.).

нѣкоторыхъ изъ такихъ трубочекъ имѣется нарѣзной орнаментъ. (Подобные же игольники, изъ звѣриныхъ или лебединыхъ костей, изъ моржеваго зуба или изъ металла (иногда изъ стараго ружейнаго ствола), употребительны у американскихъ эскимосовъ (многіе образцы находятся въ Берлинскомъ Museum für Völkerkunde). Можно предположить, что подобную же роль играли въ древности и описываемые нами „игольники“; сквозь нихъ также могъ продѣваться ремешекъ съ иголками (въ экземплярѣ съ двумя привѣсками, послѣднія и могли быть привязаны къ такимъ ремешкамъ, замѣняя собою узелъ въ игольникѣ чукчей), и помощью такого ремешка украшеніе могло прикрѣпляться къ платью. в) Украшеніе въ видѣ миніатюрныхъ ноженъ, съ выступающимъ вдоль одной ихъ стороны узорчатымъ прибавкомъ (таб. 2, 12—14). Эти маленькія ножны напоминаютъ по своей формѣ большія—для ножа, подобныя которымъ находили въ могилахъ Прибалтійскаго края. Г. Спицынъ думаетъ, что и эти миніатюрныя ножны (совершенно такія же были находимы въ курганахъ Петерб. губ., иногда сдѣланныя

изъ кости) служили для ножичка, но, во-первыхъ, ножички обыкновенно представляютъ болѣе крупные размѣры, а во-вторыхъ, круглая форма этихъ миніатюрныхъ ноженъ не дѣлаетъ ихъ пригодными для ножиковъ. Если допустить, что эти предметы могли имѣть какую-нибудь практическую цѣль, то вѣроятнѣе, что въ нихъ вкладывались иголки, а можетъ быть это было только украшеніе, на подобіе настоящихъ ноженъ отъ ножей въ Прибалтійскомъ краѣ. Извѣстно, что какъ на западѣ, напр. въ находкахъ бронзоваго вѣка, такъ и въ Сибири (въ Минусинскомъ краѣ) находили миніатюрныя подражанія настоящимъ орудіямъ (топорамъ, ножамъ, серпамъ и т. д.), служащія, можетъ быть, для украшенія, а можетъ быть, и для какихъ-нибудь вотивныхъ цѣлей. Попадаются иногда еще простыя бронзовыя сквозныя трубочки, цилиндрическія или съ вздутіями, иногда съ двумя или четырьмя симметрическими ушками по бокамъ, длиною въ 3—6 сант., но ихъ находили, обыкновенно, на поясѣ въ вертикальномъ положеніи (въ случаѣ ушковъ) или горизонтальномъ, вставленными между мелкими мѣдными колечками на ремешкѣ и вѣроятно онѣ служили просто для украшенія.

Собственно привѣски—весьма разнообразныхъ формъ. Встрѣчаются овальныя или яйцевидныя, *сплошныя*, гладкія, съ сквознымъ отверстіемъ у одного конца, для привѣшиванія; по своей формѣ онѣ напоминаютъ костяные амулеты (извѣстные изъ находокъ Нефедова въ ряду предметовъ каменнаго вѣка изъ одного городища въ Костр. губ. и изъ его же прикамскихъ находокъ, см. ранѣе въ этомъ томѣ). Попадаются *круглые сплошные медальоны* изъ тонкихъ бронзовыхъ (рѣдко серебряныхъ) кружковъ, снабженныхъ, для привѣшиванія, ушками, которыя или отлиты вмѣстѣ съ кружкомъ или, чаще, приклепаны гвоздиками. На одномъ такомъ кружкѣ (таб. 6, 27) имѣется орнаментъ изъ разводовъ въ видѣ четырехъ буквъ С; подобные извѣстны изъ находокъ въ Лифляндіи и съ о-ва Мона, съ серебряными германскими монетами XII—XIII вв. На другомъ такомъ медальонѣ виденъ неясный выпуклый узоръ въ видѣ креста (таб. 6, 25) (подобные извѣстны изъ кургановъ Петербург. губ.). Третій украшенъ разводами исходящими изъ одного ствола (таб. 6, 29; подобный былъ найденъ въ мерянскихъ курганахъ). Отъ этихъ медальоновъ естественъ переходъ къ монетамъ, именно къ серебрянымъ арабскимъ *диргемамъ* и ихъ подражаніямъ; монеты эти снабжены приклепаннымъ серебрянымъ или мѣднымъ ушкомъ и носились на груди, иногда на ожерельяхъ, рядомъ съ другими медальонами и привѣсками (таб. 5, 25—26). Часто, повидимому, они вставлялись въ кожаные футлярчики, нижнія половинки коихъ иногда сохранились (таб. 6, 30). Диргемы оказались битыми въ разныхъ восточныхъ городахъ, въ эпоху отъ 875 до 987 г. Кромѣ настоящихъ монетъ попадаются иногда поддѣланныя, хотя собственно ихъ нельзя называть такъ, а скорѣе подражаніями, сдѣланными тоже изъ серебра. Въ Витебской губ. найдена была даже форма отъ такого псевдодиргема.

Весьма разнообразны *прорѣзныя привѣски*, литыя или плетеныя. Къ первымъ относятся: а) украшеніе изъ нѣсколькихъ (6) слитыхъ колецъ, образующихъ вмѣстѣ треугольникъ, съ подвѣшенными внизу тремя лапками на цѣпочкахъ (таб. 2, 6); иногда ихъ находили въ одномъ экземплярѣ, иногда въ двухъ, симметрично лежащихъ на груди гдѣ они служили, очевидно, для украшенія одежды; въ одномъ случаѣ такой треугольникъ висѣлъ верхомъ внизъ и былъ соединенъ только съ одною лапкою; въ

раскопкахъ Арх. Ком. попадались слитыя изъ 10 колецъ; б) украшеніе изъ прорѣзной бляхи, напоминающей бабочку, т. е. представляющей прорѣзное тѣло и два боковыхъ круглыхъ выступа, украшенныхъ спиральнымъ орнаментомъ (таб. 2, 8); подобныя украшенія, носившіяся на груди, были находимы также въ петербургскихъ курганахъ, въ Финляндіи и Эсляндіи; в) плоскія кольца съ нѣсколькими ушками внизу, для короткихъ цѣпочекъ (таб. 2, 5); г. *прорѣзныя треугольныя, овальныя или полуовальныя* (*арочныя*) *бляшки* съ ушкомъ вверху и съ 3—4 колечками внизу, къ которымъ на короткихъ цѣпочкахъ прикрѣплялись лапки, бубенчики или колокольчики. Строеніе бляшекъ большей частью жгутовидное; прорѣзная середина выполнена перекладинами, рѣшеткой, а въ полуовальныхъ часто тремя выпуклинами съ орнаментомъ (таб. 2, 2—3). Одна такая бляшка (изъ раск. Арх. Ком.) имѣетъ форму продолговатаго (горизонтально) четырехугольника, съ трубочкой назади, сквозь которую проходитъ шнурокъ (остатокъ его сохранился). Бляшка состоитъ изъ трехъ продольныхъ бронзовыхъ плоскихъ жгутовъ, соединенныхъ на концахъ поперечными; въ двухъ щеляхъ между жгутами и по верхнему краю идетъ орнаментъ изъ зигзаговъ (змѣйкой; см. рис. въ тек. 1, *а.*). Иногда находили только одну трубочку безъ бляшки; д) *круглые прорѣзные медальоны* въ формѣ колеса съ 4 или 8 спицами или кружка съ рѣшетчатымъ плетеньемъ, а часто и сплошного, продырявленнаго только мелкими отверстіями, всѣ снабженные ушками для ношенія. Въ раскопкахъ Арх. Ком. встрѣтилось однажды ожерелье изъ 10 такихъ кружковъ, причемъ 2 среднихъ были о 8 лучахъ, а остальные 8 решетчатые. Отъ этихъ медальоновъ прямой переходъ къ такимъ же кружкамъ съ крестикомъ, но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся на другихъ привѣскахъ. Въ числѣ ихъ довольно многочисленны *полыя*, *усѣченно-коническія* съ привѣшенными въ нимъ, по нижнему краю, бубенчиками или лапками; въ усѣченномъ верхнемъ концѣ конуса обыкновенно отверстіе, сквозь которое продѣвался ремешокъ; носились такія привѣски по 1—2 на шеѣ, на груди, еще чаще на поясѣ. Подобныя были находимы и въ петербургскихъ курганахъ, но очень рѣдко, тогда какъ здѣсь онѣ весьма обыкновенны. Въ одномъ случаѣ было найдено штукъ десять такихъ конусовъ (или колокольцевъ), безъ цѣпочекъ, въ двухъ пачкахъ, обернутыхъ матеріей.

Самыя любопытныя подвѣски представляютъ собою *изображенія животныхъ*. Ихъ двѣ категоріи: *плоскія* и *выпуклыя* (*полыя*). Плоскія могутъ быть, въ свою очередь, подраздѣлены на *сплошныя* (безъ прорѣзовъ) и *прорѣзныя*. Сплошныя изображаютъ пѣтушковъ и курочекъ съ головой и туловищемъ въ профиль, но безъ обособленнаго хвоста и ногъ; на спинкѣ ушко для привѣшиванія, по нижнему краю—колечки для цѣпочекъ съ лапками; лицевая сторона туловища съ жгутовиднымъ орнаментомъ, идущимъ вдоль краевъ и поперекъ, косвенно (городками) таб. 4, 2—6). Прорѣзныя представляютъ также птицъ—селезней, уточекъ, пѣтушковъ, но также и коньковъ. Между ними можно отличить слѣдующіе типы: а) *прорѣзные* селезни, пѣтушки, уточки, *въ стоящемъ положеніи*, въ профиль, съ двумя ногами, короткимъ хвостомъ, выпуклой грудью, иногда съ загнутымъ кверху клювомъ, безъ ушковъ и цѣпочекъ (таб. 4, 7—9, 13—15; такихъ найдено штукъ 7—8); б) *прорѣзные пѣтушки* (съ гребешками) и уточки или курочки, въ профиль, *безъ ногъ*, но иногда съ короткимъ, поднятымъ

кверху хвостомъ, съ ушкомъ на спинѣ (въ которомъ иногда виденъ остатокъ ремешка) и съ крупными отверстіями по нижнему краю туловища, соединенными съ короткими цѣпочками изъ 8-образныхъ звеньевъ, оканчивающихся гусиными лапками (таб. 4, 1, 10); въ раскопкахъ Арх. Ком. былъ найденъ подобный двойной пѣтушокъ (рис. въ тек. 3, *а.*); в) *прорѣзные коньки*, въ профиль, съ загнутымъ на спину или закрученнымъ хвостомъ, съ четырьмя ногами и гривой; у нѣкоторыхъ имѣется еще завитокъ, симулирующій крыло, какъ у уточекъ типа *а* (таб. 4, 11—12); г) *парные прорѣзные коньки*, или точнѣе—переднія половины коньковъ, обращенныхъ мордами въ противоположныя стороны; между этими половинками можно иногда различить примитивную фигурку стоящаго человѣка, en face, такъ что внизу оказываются 6 ногъ (иногда 7), стоящихъ на ободкѣ, который, загибаясь по сторонамъ, доходитъ до мордъ коней. По нижнему краю — ушки съ цѣпочками и лапками. Въ другихъ экземплярахъ ободка уже нѣтъ, а равно и средняя фигура человѣка исчезаетъ, превращаясь въ ушко между конскими головками (таб. 4, 17—20). Находили подобные коньки и рѣзанные изъ кости. Къ этому же типу можно отнести большое бронзовое нагрудное украшеніе (изъ раск. Нефедова), состоящее изъ двухъ одинаковыхъ привѣсокъ, соединенныхъ довольно длинной цѣпочкой изъ 16-ти 8-образныхъ звеньевъ съ кольцомъ посрединѣ (таб. 2, 11); каждая привѣска имѣетъ лирообразную форму, какъ бы изъ перегнутыхъ жгутовъ и составляетъ, очевидно, подражаніе парнымъ конькамъ, причемъ морды коней (загибы лиры) оканчиваются двойными спиралями; внизу къ каждой привѣскѣ прикрѣплено по четыре цѣпочки съ лапками. Къ категоріи плоскихъ изображеній можно отнести еще прорѣзную бляшку (таб. 4, 16) въ видѣ цыфры 8, оба кружка которой составлены изъ сходящихся клювами птичьихъ головъ; отъ средней перетяжки отходятъ въ стороны округленные выступы. Наконецъ, сюда же можно присоединить и изображеніе птички или *ангела* съ распущенными крыльями и съ ушкомъ для привѣшиванія (таб. 6, 38); подобныя были находимы въ мерянскихъ курганахъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, а такая же въ кругломъ ободкѣ извѣстна и изъ петербургскихъ кургановъ. Это изображеніе—единственное, напоминающее бронзовыхъ летящихъ или парящихъ птицъ, извѣстныхъ по многимъ находкамъ въ Вятско-Пермскомъ краѣ и въ Тобольской губ. Вообще же, изображенія птицъ хотя и обыкновенны въ костромскихъ курганахъ, но они представляютъ другіе типы, съ которыми мы отчасти уже познакомились, но которые еще въ большомъ числѣ относятся къ слѣдующей категоріи.

Рис. 3 а Двойной прорѣзной пѣтушокъ съ полвѣшенными внизу на цѣпочкахъ лапками. б. Серебряная круглая фибула—съ орнаментомъ въ видѣ Сегнерова колеса. Въ 2/3 кад. вел. (Изъ раскопокъ Костр. уч. Архив. Коммисіей).

Полыя изображенія коньковъ и уточекъ были найдены въ сравнительно большомъ числѣ (около 50) и представляютъ рельефно отлитыя фигурки, съ головой, туловищемъ и хвостомъ, полыя внутри, т. е. съ широкой ямкой снизу и съ небольшимъ

круглымъ отверстіемъ вверху, на спинѣ, чрезъ которое продергивался ремешокъ съ узелкомъ, служившій для прикрѣпленія фигурки къ поясу, а иногда и къ груди. Внизу, по ободку фигурки, идутъ ушки, къ которымъ прикрѣплялись короткія цѣпочки съ лапками (таб. 3, 1—19) или бубенчиками. На ремешокъ обыкновенно нанизывались мелкія бронзовыя колечки, въ большомъ числѣ, а иногда онъ замѣнялся настоящей цѣпочкой, которая въ одномъ случаѣ имѣла большую длину, до 50 сант., представляла замкнутыхъ два круга, и надѣвалась, очевидно, на шею. Нѣкоторыя фигурки изображаютъ, очевидно, коньковъ, на что указываетъ изгибъ шеи, грива и тупая морда, другія, также очевидно, уточекъ или селезней съ широкимъ, суживающимъ кпереди и нѣсколько загнутымъ кверху клювомъ; но нѣкоторыя менѣе опредѣленны, напр. имѣютъ короткую, раскрытую пасть (таб. 3, 6) или короткую морду и гребешокъ, или уши у нихъ, имѣющія и всегда видъ колечекъ, принимаютъ видъ рожекъ, отчего нѣкоторымъ изъ такихъ фигурокъ придаютъ названіе баранчиковъ. Хвостъ или представленъ колечкомъ, или чаще загнутъ кверху спирально. Бока фигурки обыкновенно украшены орнаментомъ изъ жгутовыхъ поперечныхъ или накрестъ полосокъ, зигзаговъ, меандровъ, полукружій. Подобныя фигуры были находимы также въ петербургскихъ и мерянскихъ курганахъ, но въ меньшемъ числѣ и разнообразіи.

Лунницы или полулунія представляютъ своеобразный видъ украшеній, обыкновенно бронзовыхъ, рѣдко серебряныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ безъ ушка, большей же частью съ ушкомъ для привѣски. Изъ лунницъ безъ ушка особенно замѣчательна одна серебряная, большая, широкая, съ тупыми рогами, украшенная зернью, идущею вдоль краевъ и собранною въ треугольники (таб. 5, 38а, б,). По срединѣ ея, въ четырехугольномъ гнѣздышкѣ вставлена какая то желтоватая масса (отъ нея остались только кусочки); къ концамъ рожковъ петлею изъ тонкаго бронзоваго ремешка былъ прикрѣпленъ какой то маленькій камешекъ сѣраго цвѣта. Лунницы съ ушкомъ имѣютъ обыкновенно круто изогнутые рожки, концы которыхъ свободны (только на одномъ экземплярѣ соединены небольшимъ расширеніемъ, таб. 5, 32). Передняя сторона лунницы украшена иногда орнаментомъ изъ треугольниковъ (таб. 5, 30), небольшихъ прорѣзовъ (таб. 5, 29), разводовъ, или головокъ грифоновъ (таб. 5, 31). Чаще (около 15 экз.) встрѣчается орнаментъ изъ выпуклыхъ точекъ, который посрединѣ, подъ ушкомъ, образуютъ маленькій крестикъ. На нѣкоторыхъ же экземплярахъ между рожками помѣщенъ настоящій равноконечный крестъ, соединяющійся своимъ верхнимъ концомъ съ срединнымъ выступомъ лунницы (подъ ушкомъ) (таб. 5, 33—35). Сдѣланы лунницы часто изъ какого-то темнаго или блестящаго сплава, свинцоваго цвѣта. Находили ихъ или на шеѣ, въ ожерельи, между бусами и другими привѣсками; въ одномъ случаѣ 5 штукъ рядомъ съ крестикомъ въ кружкѣ; иногда же на колечкахъ около ушей, въ качествѣ серегъ; иногда, наконецъ, на груди. Подобныя лунницы извѣстны и изъ находокъ въ мерянскихъ и другихъ курганахъ. Въ Калужской губ., какъ сообщилъ мнѣ г. Четыркинъ, еще и теперь въ ходу лунница съ крестикомъ, носимая въ видѣ серьги (въ одномъ ухѣ) мужчинами съ цѣлью предохраненія себя отъ лихорадки.

Намъ остается разсмотрѣть еще кресты и образки, но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ остаткахъ найденныхъ въ курганахъ тканей, между которыми можно разли-

чить грубую льняную и шерстяную, очевидно мѣстнаго производства, и болѣе тонкія, привозныя, представленныя полосками парчи и галуна, находимыми обыкновенно у головы и шеи. На одномъ лоскутѣ шерстяной ткани оказались прикрѣпленными мелкія бронзовыя спиральки; образцы такой ткани извѣстны и изъ петербургскихъ кургановъ, а полоски галуна еще въ большемъ разнообразіи были находимы въ курганахъ мерянскихъ.

Кресты—найдены въ довольно большомъ числѣ и разнообразныхъ формъ. Можно различить *крестики въ кружкахъ* и *собственно кресты*. Первые представляютъ кружокъ (кольцо) съ ушкомъ вверху для привѣшиванія; въ кружкѣ укрѣпленъ крестикъ, обыкновенно равносторонній, съ болѣе или менѣе широкими перекладинами, въ томъ числѣ нѣкоторые чисто корсунскаго типа, иногда въ видѣ такъ наз. патріаршескаго креста, т. е. съ меньшими крестиками по концамъ его (таб. 6, 14—16). Въ одномъ кружкѣ крестикъ неравноконечный съ подымающимися отъ основанія его симметричными акантовыми разводами (таб. 6, 17). Переходъ отъ этихъ кружковъ къ настоящимъ крестамъ дается прорѣзными крестиками, составленными напр. изъ четырехъ, на крестъ расположенныхъ колечекъ или изъ крестообразнаго ободка съ полуовальными концами, въ которомъ вставленъ другой крестикъ еще съ маленькими крестиками по концамъ (таб. 6, 13). Собственно кресты представляютъ также значительныя варіаціи; большинство ихъ равноконечные, но есть и съ болѣе удлиненнымъ нижнимъ концомъ; чаще плоскіе, они замѣняются иногда круглыми (трубчатыми, но не полыми): средокрестіе въ иныхъ круглое, въ другихъ ромбондальное, въ третьихъ составлено изъ 5 шариковъ (а концы—каждый изъ трехъ); въ средокрестіи иногда виденъ знакъ × или неясное поясное изображеніе человѣка (на одномъ крестѣ—держащаго въ правой рукѣ чашу—Спасителя (?). Концы перекладинъ иногда округлены, иногда лепесчаты, иногда ромбондальны; изъ плоскихъ есть узорчатые, съ выступами промежъ перекладинъ и съ изображеніемъ маленькихъ крестиковъ на послѣднихъ, или со слѣдами украшавшей ихъ желтой (въ выемкахъ) эмали (таб. 6, 3—11, рис. въ тек. 4, *а*, *б*.). Особенно любопытны два складня или энколпіона, изъ коихъ одинъ представленъ впрочемъ только половинкой, съ ушкомъ (въ которомъ остатокъ ремешка) и съ выпуклымъ изображеніемъ Распятія (таб. 6, 2), а другой, большихъ размѣровъ, обѣими половинками; на лицевой сторонѣ изображена фигура человѣка (какъ бы съ

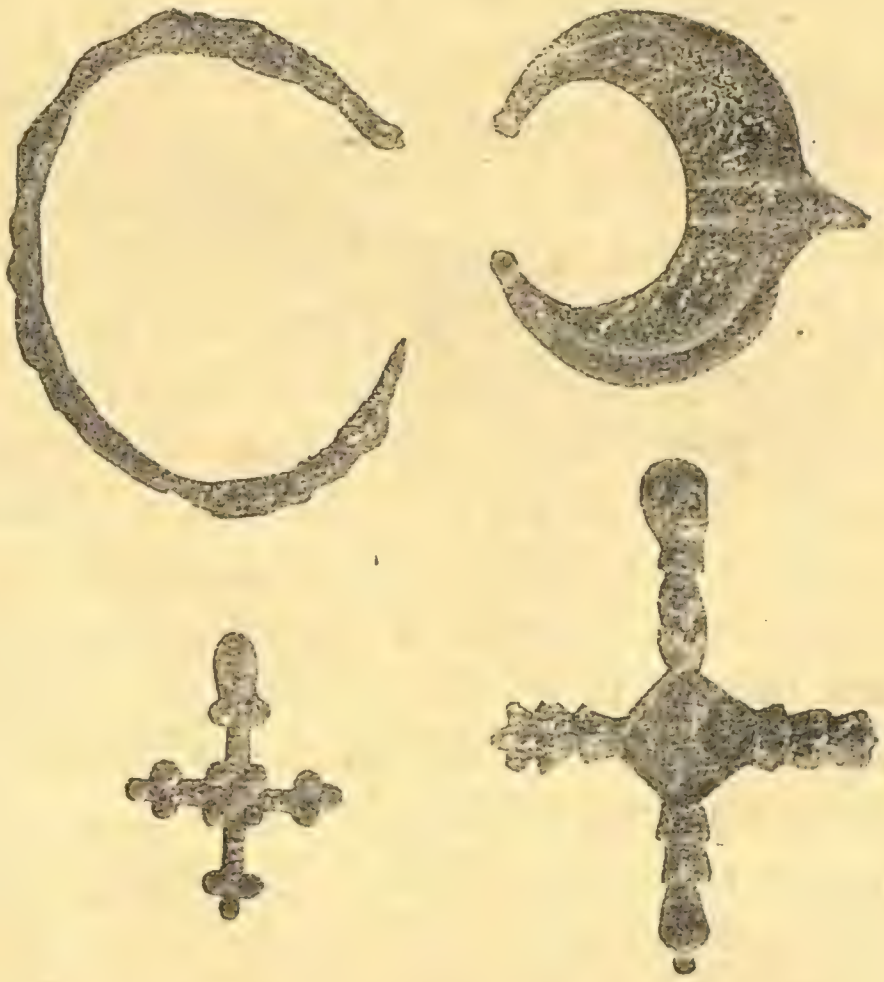


Рис. 4 а Желѣзный дѣтскій браслетъ. б. Лунница, украшенная орнаментомъ. в. Крестъ, съ изображеніемъ въ средокрестіи человѣческой поясной фигурой. г. Небольшой крестъ. Въ $^2/_3$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Костр. Уч. Архив. Коммиссіи).

усами), въ плащѣ (корзнѣ), съ лѣвой рукой, скрытой подъ одеждой, а съ правой вытянутой и держащей нѣчто въ родѣ факела или дароносицы (собственно должно изображать церковь); на лѣвой перекладинѣ креста вырѣзана надпись, которую одни читаютъ: $\frac{\text{ГДЬ}}{\text{БО}}$, т. е. „Господь Богъ“, а другіе $\frac{\text{ГЛБ}}{\text{БО}}$, т е. „Глѣбъ Борисъ“, что, повидимому, вѣрнѣе; на противоположной сторонѣ подобная же фигура, но съ правой рукой на груди и лѣвой вытянутой и держащей тотъ же предметъ. У верхняго и боковыхъ концовъ креста, на обѣихъ сторонахъ, по три медальона съ изображеніемъ лицъ (можетъ быть, архангеловъ Михаила, Гавріила и Спхаила (таб. 6, 1). Во то время, какъ прочіе кресты были находимы обыкновенно на шеѣ или груди, на ожерельяхъ среди бусъ или рядомъ съ бляшками, фигурками животныхъ, медальонами, диргемами, иногда также у пояса, около ножа, этотъ складень былъ найденъ (въ курганѣ Кишешемскаго у., на пустошѣ Босихѣ) съ правой стороны костяка, вершкахъ въ двухъ выше его, въ землѣ, и внутри его, въ какой то ткани, былъ завернутъ кусочекъ кости—вѣроятно мощи. При самомъ костякѣ оказались только: простая, безъ ушка, лушпица и небольшая серебряная пряжка со слѣдами желѣзной иглы; скелетъ былъ, очевидно, мужской, высокаго роста (178 сант). Складень этотъ напоминаетъ нѣсколько найденный гр. Уваровымъ въ одномъ мерянскомъ курганѣ, но тамъ фигуры имѣли обѣ руки вытянутыми и ничего въ нихъ не держали. Ближайшее сходство представляютъ нѣкоторые складни изъ Кіева и Корсуня (Херсонеса), хранящіеся въ Историческомъ музеѣ и изображенныя на которыхъ фигуры имѣютъ также одну руку вытянутою и держатъ въ ней подобный же предметъ. Недавно въ ряду предметовъ коллекціи г. Хапенко въ Кіевѣ (Собраніе Хапенко. Древности русскія. Кресты и образки. Кіевъ. 1899. Табл. VII, рис. 88/89) былъ описанъ и изображенъ весьма сходный энколпіонъ, найденный въ Чигиринскомъ у., Кіевск. губ., съ подобными же фигурами и медальонами на концахъ, опредѣляемыми какъ изображенія Св. Бориса и Глѣба и трехъ архангеловъ. Св. князья Борисъ и Глѣбъ были убиты въ 1015 г. и канонизированы вскорѣ послѣ своей кончины. Энколпіоны съ ихъ изображеніями относятъ ко второй половинѣ XI-го и XII-му вѣку.

Образки—обыкновенно маленькіе, круглые, рѣже четырехугольные, литые изъ бронзы, всегда съ ушкомъ, представляютъ слѣдующіе типы: а) четырехугольный образокъ Богоматери съ младенцемъ на лѣвой рукѣ (подобный извѣстенъ и изъ мерянскихъ кургановъ, а круглый и изъ м. Вятичева Кіев. уѣзда); б) круглый—Богоматери съ младенцемъ на правой рукѣ; в) круглый, съ поясным изображеніемъ святаго съ копьемъ (Дмитрій Солунскій?; въ Вятичевѣ былъ найденъ круглый образокъ съ изображеніемъ всадника, вѣроятно, св. Георгія Побѣдоносца); г) круглый, съ поясными изображеніями двухъ святыхъ (Козьмы и Даміана?); д) круглый, съ изображеніемъ Успенія (оба вида образковъ извѣстны и изъ мерянскихъ кургановъ) (таб. 6, 31 – 37). Въ ушки образковъ вдѣвались колечки и они носились въ ушахъ, какъ серьги, или на шеѣ и груди рядомъ съ другими привѣсками. Г. Нефедовымъ найдено было всего около 20 образковъ, меньше, чѣмъ крестовъ, которыхъ насчитывается до 25, не считая вставленныхъ въ кружки.

Найденныя въ могилахъ монеты (диргемы) и типы украшеній и другихъ предметовъ указываютъ на принадлежность описываемыхъ кургановъ X—XII вв. По обстановкѣ погребеній курганы эти представляютъ особую группу, отличающуюся въ подробностяхъ отъ другихъ сосѣднихъ группъ кургановъ. Несмотря, напр., на многія черты сходства съ мерянскими курганами, они отличаются однако отъ послѣднихъ довольно характерными признаками, къ числу коихъ относятся: крайняя рѣдкость оружія, отсутствіе топоровъ съ расширеннымъ лезвеемъ и широкой вырѣзкой при основаніи, отсутствіе овальныхъ, т. наз. скорлупчатыхъ фибулъ норманскаго и балтійскаго типовъ, многихъ видовъ шумящихъ подвѣсокъ съ лапками, поясныхъ наборовъ, орнаментированныхъ пряжекъ, ключей и замковъ, подковокъ отъ сапогъ, семилопастныхъ височныхъ подвѣсокъ, золотыхъ вещей, нѣкоторыхъ языческихъ амулетовъ (идоловъ, звѣриныхъ лапъ и т. п.), бронзовыхъ сосудовъ и т. д. Съ курганами Московской губ. костромскіе выказываютъ сходство въ височныхъ кольцахъ (но въ московскихъ они крупнѣе), многихъ браслетахъ, гривнахъ, ручныхъ кольцахъ и перстняхъ, бусахъ, пуговкахъ, простыхъ лунницахъ, образкахъ, крестахъ и др., но они отличаются большимъ богатствомъ и разнообразіемъ украшеній, въ особенности же изображеній коньковъ и птицъ, почти неизвѣстныхъ въ курганахъ Моск. губ. Можно указать также много сходныхъ предметовъ изъ числа желѣзныхъ и бронзовыхъ, въ томъ числѣ бусъ, привѣсокъ, медальоновъ, изображеній животныхъ и т. д. и въ курганахъ Петербург. губ., но въ общемъ культура послѣднихъ отличается преобладаніемъ другихъ типовъ и большимъ тяготѣніемъ къ Прибалтійской окраинѣ, тогда какъ въ костромскихъ сильнѣе вліяніе Вятско-Камскаго Востока, хотя и съ явственными также слѣдами Кіево-Корсунскаго Юга. Судя по даннымъ исторической этнографіи и топографіи, мы должны принимать въ Костромской губ. первоначально финское населеніе, но въ XI—XII вв. необходимо допустить здѣсь также славянскую колонизацію, которая сказалась въ раскопкахъ Нефедова и присутствіемъ славянской надписи на крестѣ-складнѣ. По обстановкѣ отдѣльныхъ кургановъ трудно однако различить между ними славянскіе и финскіе. Обстановка эта однородна, и присутствіе, напр., крестовъ и образковъ не вноситъ какихъ либо другихъ характерныхъ отличій въ прочихъ предметахъ. Культура населенія была вообще однородна и масса украшеній (привѣсокъ, изображеній, бусъ, диргемовъ, крестовъ, образковъ и т. д.) являлась продуктомъ ввоза изъ тогдашнихъ торговыхъ центровъ, особенно—Болгаръ и Кіева.

Въ общемъ, населеніе было еще, несомнѣнно, языческимъ, на что указываетъ уже самый способъ погребеній и обстановка ихъ. Есть основанія также думать, что многочисленныя, находимыя здѣсь изображенія животныхъ и лунницы не были исключительно украшеніями, а имѣли и извѣстный религіозный смыслъ, играли роль шаманскихъ амулетовъ. Но какое же значеніе должны мы придавать тогда христіанскимъ символамъ, крестамъ и образкамъ, встрѣчающимся также въ большомъ количествѣ и свидѣтельствующимъ, несомнѣнно, уже о распространеніи продуктовъ христіанской культуры?

Находки такихъ христіанскихъ символовъ въ древнихъ языческихъ могилахъ стали извѣстны у насъ уже давно, и большинство изслѣдователей видѣло въ нихъ только

украшенія, носившіяся язычниками наравнѣ съ разными другими привѣсками, монетами, бусами и т. д. Такое мнѣніе было высказано, напр., Крузе, описавшимъ въ своихъ „Necrolivonica“ находки въ Ашераденскомъ могильникѣ Лифляндіи, X—XI вв., гдѣ были найдены между прочимъ нѣсколько четырехконечныхъ крестовъ, отчасти на металлическихъ цѣпочкахъ, отчасти, подобно бусамъ, на шнурахъ или ремешкахъ, иногда рядомъ съ другими привѣсками (въ видѣ птичекъ, сердца, бубенчиковъ и т. п.). Сходные съ этими кресты были найдены впослѣдствіи въ языческихъ могилахъ о-ва Эзеля въ Эстляндіи, а въ послѣднее время въ Земальденскомъ могильникѣ Курляндіи и въ Люцинскомъ—Витебской губ. Гр. Уваровъ, еще въ 50-хъ годахъ, нашелъ многіе кресты и образки въ мерянскихъ курганахъ Владимірской и Ярославской губ., между прочимъ и въ могилахъ съ нѣсколькими костяками и въ курганахъ со слѣдами трупосожженія. У одного женскаго остова, напр., были найдены два ожерелья, одно изъ бусъ и круглыхъ серебряныхъ привѣсокъ, а другое изъ четырехъ медальоновъ, въ томъ числѣ три образка (Спасителя, Успенія и двухъ святыхъ), а четвертый—одинаковой величины, но гладкій бронзовый кружокъ. Въ другой группѣ кургановъ у с. Веськова, изъ 411 кургановъ христіанскіе предметы нашлись только въ трехъ, причемъ въ одномъ у остова оказались топоръ, ножикъ и ключъ, а на груди берестяный нагрудникъ, въ которомъ съ одной стороны лежалъ каменный крестъ изъ двухъ шиферныхъ дощечекъ, скрѣпленныхъ бронзовыми гвоздиками, съ вырѣзанными на немъ Распятіемъ и Богородицей, а съ другой стороны нагрудника—особаго рода привѣска съ двумя золотыми бляхами, одна съ изображеніемъ летящей птицы, другая—человѣческаго лица съ усами. Въ одной могилѣ у с. Городище на ожерельи были нанизаны: двѣ лунницы, бусы, двѣ монеты Оттона I и бронзовый образокъ съ поясным изображеніемъ святаго. При одномъ остовѣ въ курганѣ у с. Василькова оказался крестъ рядомъ съ диргемомъ. Всѣ эти и подобные имъ случаи привели гр Уварова къ заключенію, что меряне носили такіе христіанскіе предметы безъ всякаго понятія объ ихъ настоящемъ значеніи, а просто какъ украшенія, пріобрѣтенныя посредствомъ торговли изъ христіанскихъ странъ.

Въ 60-хъ годахъ нѣсколько крестовъ и образковъ было найдено проф. А. П. Богдановымъ въ курганахъ Московской губ., Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ Рязан. губ., Касимов. у., Парахинской вол., г. Ушаковымъ въ курганахъ Мышкинскаго и Угличкаго у., Тверск. губ., В. И. Сизовымъ въ курганахъ Тверскаго у. (между прочимъ, крестъ-складень съ распятіемъ), Л. К. Ивановскимъ и Г. О. Шмидтомъ въ курганахъ Петербург. губ., П. Е. Брандебургомъ въ южномъ Приладожьи, г. Булычевымъ въ курганахъ Жиздрин. у. Калужск. губ. и т. д., причемъ всюду мы видимъ повторенія извѣстныхъ типовъ, расходившихся, очевидно, широко, путемъ торговли.

Въ Костромской губ. христіанскіе символы были встрѣчены г. Нефедовымъ, примѣрно, въ 45 курганахъ, ничемъ особеннымъ не отличавшихся отъ сосѣднихъ кургановъ тѣхъ же группъ. Что эти символы служили предметами украшенія, видно и изъ условій ихъ мѣстонахожденія, напр., на серьгахъ. На пустошѣ Босихѣ (гдѣ въ одномъ курганѣ былъ найденъ описанный выше крестъ-складень) въ другомъ курганѣ, около ушей женскаго остова, оказались колечки съ образками Богоматери, а въ третьемъ—

мѣсто серегъ занимали образки св. Дмитрія Солунскаго, причемъ на груди былъ найденъ еще образокъ съ двумя святыми. Иногда кресты и образки встрѣчались при костякахъ съ малымъ числомъ вещей, иногда съ большимъ (височными кольцами, бусами, перстнями, браслетами, птичками, коньками и т. д.). Любопытно, что большой одиночный курганъ на р. Черной, Кинешемскаго у., давшій 19 различныхъ украшеній, не заключалъ въ себѣ ни одного христіанскаго предмета.

Для нѣкотораго уясненія того религіознаго состоянія, въ которомъ находилось костромское населеніе X—XII вв., когда въ странѣ уже распространялось христіанское вліяніе, можно обратиться къ русскимъ инородцамъ, у которыхъ болѣе или менѣе номинальное христіанство уживается съ стародавними языческими вѣрованіями. На Нижегородской выставкѣ 1896 г., въ Сибирскомъ отдѣлѣ, среди вещей изъ быта остяковъ, я нашелъ, между прочимъ, длинный шаманскій нагрудникъ изъ кожи, сплошь покрытый бисеромъ, образующимъ разные узоры и обшитый бахромой. На этомъ нагрудникѣ, въ верхней его части, поперекъ, нашитъ рядъ пуговицъ, а ниже рядъ изъ четырехъ одинаковыхъ мѣдныхъ крестовъ. Эти кресты, съ врѣзанными въ нихъ другими крестами, прикрѣплены помощью ушковъ и продѣтыхъ сквозь нихъ нитокъ съ бусами. Ниже, приблизительно въ серединѣ нагрудника нашита довольно большая, круглая, мѣдная прорѣзная бляха съ лучами, въ серединѣ которой изображенъ всадникъ. Этотъ сюжетъ довольно обыченъ какъ среди пермскихъ древностей, такъ и среди современныхъ амулетовъ и украшеній угро-финновъ (вогуловъ и остяковъ). Еще ниже, въ нижней трети нагрудника, нашитъ поперечный рядъ изъ такихъ же пяти бляхъ. На другомъ подобномъ нагрудникѣ, вмѣсто крестовъ и бляхъ, нашитъ поперечный рядъ изъ девяти вещей: изъ восьми мѣдныхъ (латунныхъ) медальоновъ или жетоновъ (по 4 съ каждой стороны), а въ серединѣ мѣдное литое кольцо. Жетоны эти русской работы; на одной сторонѣ ихъ изображенъ солдатъ въ каскѣ съ волосянымъ султаномъ, нападающій съ ружьемъ на другого солдата въ киверѣ или высокомъ кэпи, въ костюмѣ вродѣ гусарскаго и съ поднятой саблей. Кругомъ надпись: „У русака штыкъ проворьней тесака“. На противоположной сторонѣ жетона изображенъ какой-то сидящій воинъ въ шлемѣ, съ вытянутой впередъ ногою и опирающійся одной рукой на копье, другой на саблю. Повидимому, эти жетоны—Николаевскаго времени, можетъ быть, эпохи Венгерской или Крымской кампаніи. Только что описанные нагрудники представляютъ, какъ мнѣ кажется, интересъ въ томъ смыслѣ, что показываютъ, какъ у народа, номинально считающагося христіанскимъ, но въ сущности еще языческаго, христіанскіе кресты употребляются совмѣстно съ языческими символами и замѣняются въ другихъ случаяхъ разными случайно попавшими жетонами чужой (русской) работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они даютъ новую иллюстрацію къ находкамъ въ древнихъ курганахъ христіанскихъ крестовъ и образковъ, совмѣстно съ коньками, пѣтушками, уточками, разными медальонами, привѣсками, диргемами и т. д.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. *Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 гг.*

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЗ, МОСКВА.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. *Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 гг.*

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЪ, МОСКВА.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. *Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 гг.*

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЕ, МОСКВА.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. *Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 гг.*

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КЪ, МОСКВА.

10

9

1а

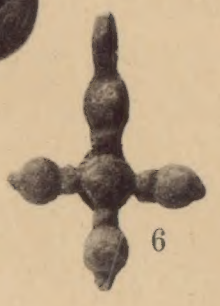
1б

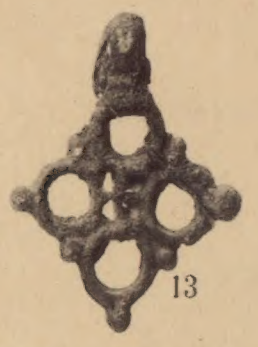
4

5

12

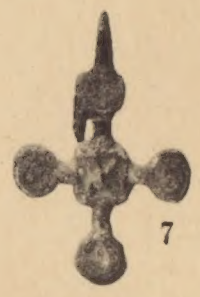
8


6


13

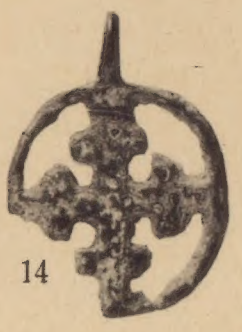
16

15


7

2

11


14

29

19

17

33

3

37

38

18

21

34

35

36

32

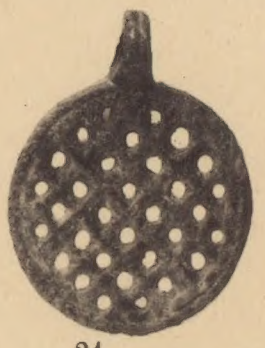
31

20

28

26

22


24

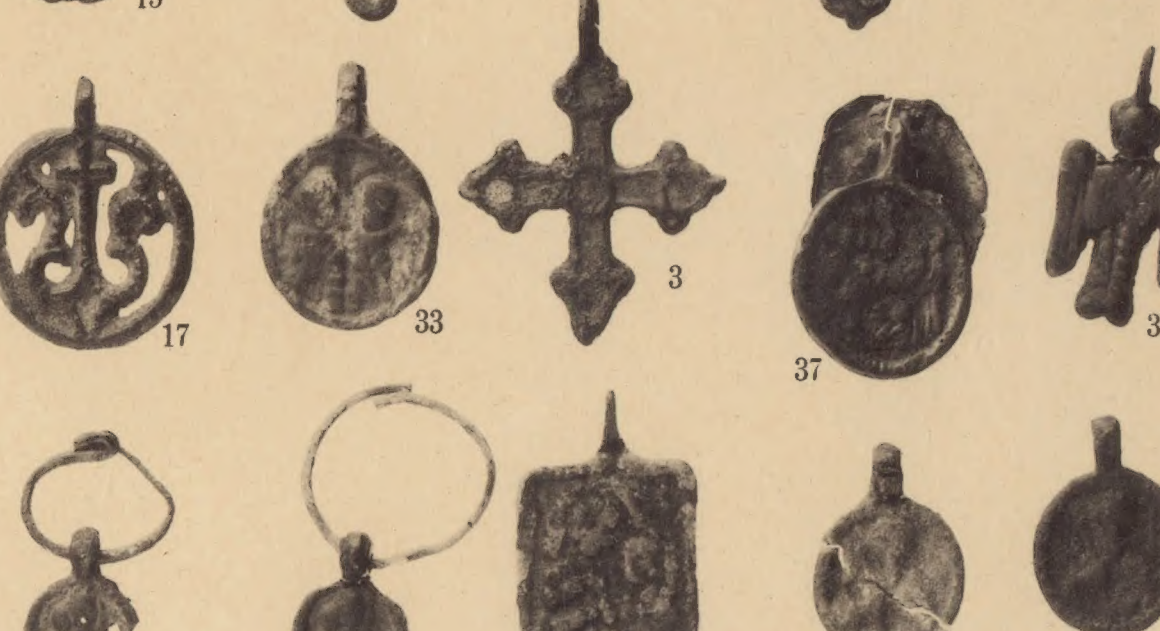
23

25

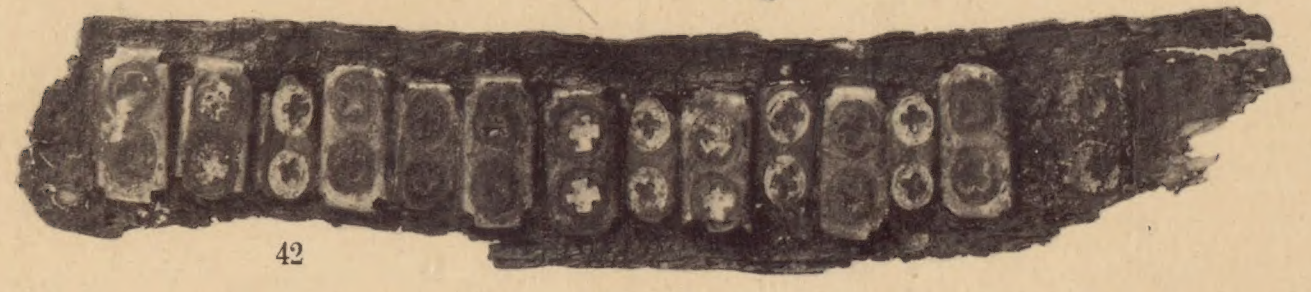
40

39

30


41

27


42

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. *Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 г.*

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

2007237463